

О ПРЕДРАССУДКАХ ЛИБЕРАЛИЗМА

Альвидас Йокубайтис

В русском языке используются два различных слова для определения предрассудка: предрассудок и суеверие. Первое слово указывает на то, что предшествует нашему решению и выбору. Это, можно сказать, предрассудок в положительном смысле этого слова. Между тем суеверие отличается негативными коннотациями и указывает на веру в роковые знаки, слепое следование обычаю, нелепое объяснение связи причины и следствия. Когда кошка перебегает дорогу и человек считает это причиной несданного экзамена – можно говорить о суеверии, а когда либералы на все смотрят с позиций этического индивидуализма – лучше использовать понятие предрассудка.

Польский философ Йозеф Мария Бохеньский написал книгу *Сто суеверий*, цель которой – создать краткий словарь современных философских предрассудков¹. Этот автор считает, что суеверие – это убеждение, которое многими людьми признается верным, но на самом деле является ошибочным. В числе ста суеверий Нового времени Бохеньский указывает и немало политических: анархизм, антисемитизм, гуманизм, демократия, коммунизм, социализм, национализм и пацифизм. Однако у созданного им словаря есть один существенный недостаток: в нем не упоминается либерализм.

Надо сразу оговориться, что в суеверие не может быть превращен либерализм в целом. Это слишком широкая традиция политического и морального мышления, и ее нельзя свести к одному или нескольким элементарным предрассудкам. Различные лагеря либералов уже давно опираются на разные предрассудки, и поэтому, до тех пор пока они в состоянии дискутировать друг с другом, этой политической традиции не угрожает скольконибудь серьезная опасность поддаться предрассудкам. Опасность подстерегает либералов лишь там, где исчезает их способность дискутировать друг с другом и с оппонентами. Самодовольный либерализм – это превосходная питательная среда для взращивания предрассудков.

Говоря о современном западном обществе, либералы зачастую склонны переоценивать свои заслуги. Они пытаются доказать, что современное западное общество – это создание их политической мысли. Такое утверждение не соответствует действительному положению вещей. Современное западное общество формировалось усилиями не только либералов, но и их оппонентов. Посткоммунистический опыт восточно- и центрально-европейских стран можно объяснить без каких-либо основа-

тельных ссылок на либерализм. Население Литвы и других стран региона боролось за моральную автономию, правовое государство, уважение к человеческому достоинству и эффективно работающую экономику. Все эти понятия уже давно вписаны в политические программы не только либералов, но и их оппонентов.

Множество предрассудков либералов появляется вследствие их некоторой социологической наивности. Несмотря на наличие четких нормативных программ, они зачастую не видят искажающих их осуществление социальных и политических факторов – отчуждения общества, групповых экономических интересов, ослабления общественных связей, упадка гражданской инициативы и негативных трансформаций культурной жизни. С начала XIX в. политическое мышление либералов преследует некоторая склонность к крайностям. Едва лишь либералы заговорят о свободном рынке, как от этого неизбежно страдают ценности неэкономического характера; едва только они начинают защищать этический индивидуализм, как тут же ущерб от этого испытывают общественные ценности; когда в центре внимания оказываются права человека – исчезает любое сколько-нибудь широкое понимание моральных обязанностей человека.

Современные либералы любят отождествлять себя со всем западным обществом. За их спиной зачастую можно обнаружить не высказанный вслух аргумент, что современное западное общество – лучшее доказательство преимуществ их политической философии. В этом случае вновь умаляются заслуги других традиций политического мышления. На самом деле нетрудно доказать, что современное западное общество формировалось как результат столкновения множества различных традиций политического мышления. Правовое государство, права человека, свободный рынок и моральный плюрализм последовательно отстаивались не только либералами, но и другими основными традициями западного политического мышления, из которых следует прежде всего упомянуть социализм и консерватизм.

В настоящее время все более отчетливой становится тенденция либерального политического мышления, которую можно охарактеризовать как попытку разграничить две стороны этой доктрины: моральную и политическую. Один из самых ярких выразителей этой тенденции – американский философ Джон Ролз. Этот автор считает, что под принципами политического либерализма могут без труда подписаться люди различных моральных, религиозных и философских убеждений². Между тем моральный и культурный либерализм – это такой же личный выбор каждого гражданина, как и посещение церкви или участие в деятельности какой-либо общественной организации.

У политической философии Ролза есть немало сильных сторон. Однако даже если согласиться с ее основными тезисами, остается непонятным, почему люди нелиберальных моральных убеждений должны подписываться под тем, что имеет название «либерализм»? Если общество действительно может договориться по поводу некоторых беспристрастных принципов политического сотрудничества, то нетрудно понять, что для их характеристики скорее подошел бы какой-нибудь

более нейтральный термин, не являющийся пристрастным по отношению к одной политической философии.

Либералы долгое время напоминали первых христиан: они ожидали быстрой победы своей философии морали. Ожидалось, что либеральный взгляд на мораль может стать частью любой культуры и цивилизации. Сегодня это мессианское убеждение все более утрачивает силу. Ролз предлагает четко разделить моральный и политический либерализм. Это значит, что, желая оправдать свое имя, либералы должны отказаться от претензий на роль распространителей приемлемой для всего общества морали. Они должны ограничиться гораздо более скромной миссией: сохранять гражданское согласие по некоторым политическим принципам. Говоря иными словами, политический либерализм может быть более универсальным явлением, чем его моральные и культурные формы.

Со времен Просвещения либералы действовали по принципу: «чем больше свободы в культуре, тем в большей безопасности находится дело политической свободы». Сегодня это убеждение начинает вызывать все больше сомнений. Странно выглядят современные либералы, которые при виде множества патологий социальной и культурной жизни способны найти только один ответ: «таков выбор индивидов». Они заботятся о правах человека и при этом забывают, что свободный выбор граждан приобретает смысл только тогда, когда в жизни людей одни вещи более значимы, чем другие. Ослепив себя для более широких моральных горизонтов, они через распахнутые двери политической свободы пускают самое настоящее культурное варварство.

Разделение моральных и политических ценностей – важное условие существования свободного общества. Однако даже здесь доктрину либерализма преследуют некоторые предрассудки. Сосредотачивая все внимание на вопросах беспристрастности политических институтов, либералы перестают замечать проблемы моральной жизни граждан. Им кажется, что моральная жизнь индивидов может образоваться сама собой, подобно спонтанной организации рынка. Так формируется узкий, основанный на правах человека либерализм, который любые высокие императивы человеческой морали сводит к принципу ненанесения ущерба другим.

Нельзя сказать, что либералы безразличны к проблемам морально-совершенствования граждан. Однако их мысль подсекается выдвижением на первый план вопросов политической беспристрастности. Либералы начинают избегать любых серьезных намеков на проблемы воспитания морального характера граждан. Их мыслью овладевает метаэтическая перспектива трактовки моральных вопросов, позволяющая избегать более конкретных упоминаний о добродетелях. Таким образом формируется странный союз политической беспристрастности и метаэтики. Видя перед собой только политическую справедливость, либералы все меньше говорят о добродетелях.

С начала XX в. либеральную мысль преследуют различные утилитаристские предрассудки. Один из них связан с абсолютизацией принципа ненанесения ущерба. Утверждая, что самое главное – не наносить

ущерба другим, либералы, сами того не желая, освобождают граждан от сколько-нибудь значительных усилий по моральному совершенствованию. Это, можно сказать, непредусмотренное следствие их политического мышления. Гражданам косвенным образом дается понять, что мораль может быть ограничена узким принципом ненанесения ущерба другим. Как следствие, исчезает множество других моральных императивов, не вмещающихся в рамки этого узкого правового требования.

Либералов мучает и другая, близкая к утилитаризму, проблема: преувеличенное преклонение перед экономическими решениями. Нет никакого сомнения в том, что у них много заслуг в деле защиты экономических свобод граждан. Однако преувеличенное преклонение перед экономическими решениями повлияло на взгляды на мораль. Начав измерять все лишь соображениями пользы, либералы нанесли вред некоторым моральным принципам, ориентированным на цель, а не на результат. По стандартам экономической эффективности действующего ндива трудно убедить в необходимости прикладывать какие-либо серьезные усилия для морального совершенствования. Эти усилия всегда требуют гораздо больше затрат, чем нужно для принесения какой бы то ни было ощутимой материальной пользы.

Некоторые предрассудки либералов появляются вследствие слишком сильной любви к свободе, что особенно хорошо демонстрируют *Два понятия свободы* Исаи Берлина. Внимательный читатель этого труда может заметить, что Берлин, желая защитить негативную свободу, начинает бояться любых разговоров о возвышенной или низменной природе человека³. Ему кажется, что такие рассуждения могут сослужить хорошую службу различным диктаторам, которые только и ждут возможности насиловать людей во имя какого-либо возвышенного идеала. Это типичный пример преувеличенного страха либералов. Опасаясь злоупотреблений со стороны политической власти, они закрываются в цитадели негативной свободы. Любой шаг в направлении утверждения иных, более позитивных, ценностей кажется им недопустимым вызовом свободе и равенству граждан.

Два века назад Милль говорил о том, что либералы не считаются с иерархией моральных ценностей. Возражая Джереми Бентаму, он утверждал, что несчастный Сократ ему намного ближе, чем самодовольная свинья. Между тем немало современных либералов по-прежнему пытаются доказать обратное: свинья тоже может быть счастливой и, что самое главное, ее понимание счастья также достойно уважения. Безразличие к сохранению и развитию иерархии моральных ценностей по-прежнему остается одной из основных черт политического мышления либералов. Миллю так и не удалось вылечить либерализм от этой хронической болезни. Либералы по-прежнему пытаются искать равенство даже там, где представители других моральных традиций воздвигают как можно более прочные заслоны для сохранения иерархии моральных ценностей.

Сторонники либерализма часто не замечают, как много они позаимствовали из моральных традиций предшествующего времени. Если посмотреть с перспективы нескольких последних веков, становится

очевидно, что либералы долгое время существовали за счет морального капитала, накопленного предыдущими поколениями. Их прославленное критическое мышление могло распространяться только потому, что до этого хорошо поработали представители других традиций морального мышления, которые смогли привить гражданам более или менее прочные практики морального совершенствования. Трудно даже представить, как выглядело бы современное либеральное общество, если бы в нем не осталось людей нелиберальных моральных убеждений. Сегодня уже нужно признать, что критические способности либералов часто превышают их возможности предложить какие-нибудь позитивные программы морального обновления. Они могут найти много слов для того, чтобы составить программы такого рода, но им так и не удастся создать какие-либо жизнеспособные практики морального совершенствования граждан.

За последние два века либералы во многом растеряли ту моральную культуру, которая нашла свое отражение в работах Джона Локка, Адама Смита и Джона Стюарта Милля. Все эти авторы были убеждены, что либерализация общества окажет неоценимую помощь моральному прогрессу человечества. Но на самом деле случилось обратное: выпестованная мысль Локка, Смита и Милля моральная культура была отброшена на обочины культурной жизни Запада. Мало кто из сегодняшних либералов помнит, что Смит был профессором философии морали. Обычно говорят лишь о его экономических идеях. За последние несколько веков исчезло множество элементов, которые во времена Локка, Смита и Милля были неотъемлемыми константами моральной жизни.

К предрассудкам надо отнести и слишком сильное восхищение либералов формальными этическими теориями. За последние два века они придумали множество тестов по универсализации моральных норм, однако так и не смогли предложить какой-либо более конкретной этики, которая способствовала бы моральному совершенствованию граждан. Что-либо более значительное они всегда оказывались в состоянии предложить лишь там, где до них поработали представители других традиций морального мышления, связанных с именами Платона, Аристотеля, Сенеки, Фомы Аквинского или Мартина Лютера. Их прославленные тесты по универсализации моральных императивов годятся лишь для проверки, какие из признаваемых нами моральных ценностей могут быть перенесены на уровень приемлемых для всего общества политических норм. Между тем на уровне чистого морального мышления их значение продолжает оставаться маловажным.

Умея лишь ограничивать действия государства, либералы начинают создавать все больше опасностей для политических плотин, которые сами же воздвигли. Это в первую очередь связано с утратой способности граждан действовать во имя достижения каких-либо общих моральных благ. Общество разбивается на индивиды-атомы, и пропадает сколько-нибудь существенная возможность граждан оказывать влияние на деятельность политических институтов. Многие последствия моральной безответственности индивидов раньше или позже ложатся на плечи

либерального государства. Это государство уже не может не заботиться о недостатках морального уровня граждан: их неспособности устоять перед наркотиками, воздерживаться от насилия в семье и придерживаться элементарных норм человеческой нравственности. Так формируется достаточно парадоксальная ситуация, когда либералы, говоря о разграничении морали и политики, в то же самое время вынуждены обращаться к политическим мерам для преодоления некоторых существенных недостатков морального уровня граждан.

Либералы, действительно, много достигли в борьбе с различными консерваторами, склонными к фундаментализму. Однако вследствие этого тоже сформировался определенный негативный предрассудок. Не одно поколение либералов любило повторять слова Милля, что консерваторы – это «глупая партия». Такое предубеждение помешало им увидеть некоторые сильные стороны политической философии консерватизма. Они стали безразличны к таким аспектам общественной жизни, как традиция, авторитет, поддержка общинных связей и моральное совершенствование граждан.

Сторонники либерализма многого достигли в борьбе против попыток навязать людям понятия добра и зла. Они также много сделали для утверждения экономических свобод граждан. Никто не может отрицать и их несомненных заслуг в области защиты прав человека. Вместе с тем политическую мысль либерализма преследует множество постоянных недугов. Сторонники этой традиции политического мышления не в состоянии справиться с упадком моральной ответственности граждан, разрывом понятий о правах и обязанностях, ослаблением общинных связей и все возрастающим этическим нигилизмом. Подобно своим предшественникам, современные либералы не могут понять, что многие проблемы современного общества возникают не из-за какого-либо явного покушения на свободу и равенство граждан, а из-за того, что все более пропадает то, что Милль называл «духом морального совершенствования».

Растеряв моральный капитал предшествующих поколений, современные либералы не в состоянии стать подлинными нравственными авторитетами. Достигнув многого в области защиты прав человека, они не могут сказать что-либо значительное по вопросам воспитания морального характера граждан. Им мешает множество предрассудков, унаследованных от прежних времен: радикальный этический индивидуализм, преклонение перед экономическими решениями социальных проблем и сформировавшаяся за долгое время склонность к процедурным вопросам политической жизни. Либералы с подозрением смотрят на любые упоминания о сохранении и поддержке традиций моральной жизни. Они безжалостны даже по отношению к собственной моральной традиции. Ричард Рорти считает, что ирония в отношении собственных традиций – одна из самых важных черт подлинного либерала⁴.

Теоретик культуры Витаутас Каволис предложил понятие «непрогрессивного либерализма». По его словам, «в некоторых случаях либерализм может быть непрогрессивным: когда детям дается свободы больше, чем они могут совладать, и когда больше заботятся о правах

преступников, чем о защите их жертв»⁵. Это действительно продуктивная перспектива исследования предрассудков либерализма, однако ее невозможно развить в рамках предложенной Каволисом философии культуры. Ему кажется, что «непрогрессивный либерализм» – редкое явление, более чем отклонение от нормы. Такой взгляд искажает подлинное положение. Надо признать, что непрогрессивный либерализм сегодня такое же распространенное явление, как и его прогрессивные формы.

Многие предрассудки либерализма возникли из-за страха общего блага. За последние два века либералы придумали множество самых странных аргументов: общество – это фикция; все зависит только от выбора индивидов; общество не живет половой жизнью, поэтому не может трактоваться так же серьезно, как отдельные индивиды, которым это известно. Разгорячив таким образом свое воображение, они в конце концов становились жертвами своих же аргументов. Любое упоминание об общем благе стало казаться недопустимым вызовом свободе и равенству граждан.

Не одно поколение либералов пыталось доказать, что методологический индивидуализм – единственное серьезное средство против злоупотреблений политической власти. Бентам сформулировал известный тезис методологического индивидуализма: «общество – это фиктивное тело, образованное из индивидуальных личностей, которые можно рассматривать в качестве учреждающих его членов»⁶. Не хочется спорить с обоснованностью этого тезиса, однако надо признать, что он очень скоро стал источником множества различных предрассудков. Немалая часть либералов до сих пор думает, что любое серьезное упоминание об общем благе открывает путь для коллективизма с самой плохой репутацией. Желая избежать этого зла, они пытаются все объяснять только с позиций индивида, без сколько-нибудь серьезных указаний на общественные смыслы и ценности.

Развенчивая этот предрассудок либерализма, следует сказать, что свобода и равенство граждан с равным успехом могут быть защищены и с позиций методологического холизма. Для этого нужно только признать, что граждане могут свободно самоотождествляться с определенными формами общего блага. Идея общего блага – это не некое создание авторов, не уважающих свободы индивидов. Без нее не могут обойтись даже самые большие либералы. Если бы они не признавали определенные общие нормы и ценности – свободу граждан, равенство, моральный плюрализм, правовое управление и свободный рынок, – то от их традиции морального мышления не осталось бы каких-либо более или менее ясных ориентиров.

За последние два века либералы очень испортили свое философское зрение. Они начали видеть только политическую власть и индивидов, упуская из виду промежуточные социальные структуры, стоящие между индивидом и властью. Из числа этих структур можно упомянуть семью, соседей, общество, церковь и другие неполитические ассоциации людей. Сознательное стремление избегать общественных смыслы и ценности усиливает неуважение либералов к традициям. Они зачастую

с подозрением смотрят не только на идею «общего блага», но и на любые намеки на «традицию», «патриотизм», «национальные чувства» и «обязанности по отношению к обществу». Подлинный либерал просто непредставим без каких-либо уничижительных нападок на традиционные убеждения людей.

Либеральное общество – парадоксальная вещь: оно не может выстоять на подпорках предлагаемой либералами философии морали. Если бы граждане начали конструировать свою моральную идентичность на основе утверждений Бентама о том, что общества нет, то они очень скоро утратили бы всякое отчетливое понимание моральных вопросов. Моральное самосознание граждан начинается с таких конкретных вещей обыденной жизни, как семья, соседи, школа, церковь и устоявшиеся обычаи. Поэтому желание либералов избежать всех этих вещей – настоящий предрассудок, в самом худшем смысле этого слова.

Не одно поколение либералов пытается доказать, что мораль – частное дело каждого гражданина. Не надо и объяснять, что это один из важнейших принципов современного либерального общества. Однако даже здесь либералы поддались определенным негативным предрассудкам. Из их уст обычно звучат утверждения только метаэтического характера об индивидуальном выборе, терпимости и моральном плюрализме. Создается впечатление, что либералы, говоря о том, что мораль – это частное дело каждого гражданина, пытаются избежать задач морального воспитания граждан. Последним как будто дается понять, что моральную идентичность они должны формировать с помощью других традиций морального мышления, не связанных с либерализмом.

Большинство сторонников либерализма не хотят понять, что наряду с индивидуальным выбором не менее важным является моральный характер граждан, их способность сохранять и развивать определенную иерархию моральных ценностей. «Государство есть действительность нравственной идеи»⁷, – писал Георг Гегель. Политические институты, пусть и не прямым образом, должны рассматриваться как продолжение моральных убеждений людей. Современное государство не может жить по понятиям какой-либо одной морали. Однако из этого не следует, что институты политической власти могут действовать независимо от нравственных убеждений людей. Ввиду забвения этого важного элемента политической жизни современное западное общество сталкивается со множеством проблем в системе образования и очевидным упадком гражданской инициативы.

У либерализма есть не одна, а несколько различных философий. Среди них всегда лучше выглядят те, в которых находится место не только для прав человека, но и для идеи общего блага. Демонстрирующие уважение к общему благу и традициям либералы понимают, что их задача – заботиться не только о правах человека, но и о находящихся за ними формах культурной жизни. Это означает, что либерализм не может заканчиваться у границ политических институтов, он должен срастись с определенной моральной культурой. Мышление современных либералов часто попадает в некий порочный круг: начав с полити-

ки, они стремятся избежать вопросов морального воспитания граждан, а начав с морали, они думают по стандартам политической беспристрастности.

Множество предрассудков либералов связано с их взглядом на свободный рынок. Это уже наполовину религиозное убеждение. «Как и у любого другого человеческого образования, у рынка есть недостатки, — утверждает литовский философ Альгирдас Дягутис, — однако эти недостатки наилучшим образом устраняет сам рынок»⁸. Пытаясь измерить все критериями рынка, либералы упускают из виду множество других аспектов, важных для жизни общества. Они забывают, что люди заботятся не только об экономическом благополучии, но и о духовном воспитании своих детей, о проблемах религии, нации и культуры. Складывается впечатление, что современные либералы зачастую не понимают, чем отличается преданность верующего человека Богу и преданность предпринимателя выбранной стратегии деятельности.

Создатель современного консерватизма Эдмунд Бёрк оставил не одно рассуждение о предрассудках. В одном из них он пишет: «Вы видите, сударь, что в сей просвещенный век у меня достаёт смелости сознаться, что мы в большинстве своем — люди неискушенных чувств, что вместо того, чтобы выбросить вон все наши старые предрассудки, мы нежно лелеем их и, к еще большему позору, лелеем их именно потому, что они предрассудки, и чем распространенней они были, тем более они нам дороги»⁹. Нет никакого надежного метода, чтобы отделить позитивные предрассудки от негативных. Даже самые позитивные предрассудки могут с легкостью превращаться в свою противоположность. История политической мысли либерализма — лучшее тому подтверждение. Начав деятельность в качестве радикальных борцов против любых предрассудков, сторонники этой традиции кончили теми же предрассудками.

Большинство проблем либералов связано с тем, что они не умеют сохранять и развивать положительные моральные предрассудки. Бёрк писал: «Предрассудок всегда под рукой в час опасности, он побуждает человека идти путем истины и добродетели, не оставляет его в колебании в роковую минуту — во всем сомневающегося, обескураженного и нерешительного. Предрассудок превращает добродетель в привычку, не давая ей остаться последовательностью не связанных между собою поступков. Посредством предрассудка долг делается частью человеческой природы»¹⁰. Трудно даже представить, чтобы такое утверждение могло бы трактоваться как составная часть политической философии либерализма.

Либералы так и освоили науку воспитания хороших моральных предрассудков. Им все еще кажется, что мораль может быть организована в соответствии со строгими принципами этического индивидуализма. Такое убеждение приближает их к философии Фридриха Ницше. «Моральное судопроизводство должно быть оскорблением нашему вкусу, — утверждал Ницше. — Предоставим эту болтовню и этот дурной вкус тем, кому нечего больше и делать, как волочить прошлое пядь за пядью сквозь времена, и кто сам никогда не есть настоящее, — мно-

гим, стало быть, очень многим! Мы же *хотим стать тем, что мы есть*, — новыми, неповторимыми, несравнимыми, полагающими себе собственные законы, себя — самих творящими!»¹¹ Сегодня мы сталкиваемся с той странной ситуацией, когда критик либерализма Ницше часто лучше определяет моральные интенции этой традиции политического мышления, чем большинство ее сторонников. Это одно из самых парадоксальных последствий подпадения либералов под власть неудачных философских предрассудков.

Примечания

- ¹ См.: Бохеньский Ю. *Сто суеверий: краткий философский словарь суеверий*. М., 1993.
- ² См.: Rawls J. *Political Liberalism*. New York Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 1996.
- ³ Berlin I. *Four Essays on Liberty*. Oxford and New York: Oxford University Press, 1989. P. 131–162.
- ⁴ Rorty R. *Contingency, Irony, and Solidarity*. Cambridge University Press, 1992. P. 73–95.
- ⁵ «Metmenu» *laisvieji svarstymai: 1959–1989*. Vilnius: Rapštoju Sajungos leidykla, 1993. P. 58.
- ⁶ *A Bentham Reader*. Pegasus, 1969. P. 86.
- ⁷ Гегель Г. *Философия права*. М., 1990. С. 279.
- ⁸ Degutis A. *Individualizmas ir visuomeninė tvarka*. Vilnius: Eugrimas, 1998. P. 169.
- ⁹ Бёрк Э. *Размышления о революции во Франции*. London: Overseas Publications Interchange, 1992. С. 164.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Ницше Ф. *Человеческое, слишком человеческое*. Мн., 1997. С. 519.